

Е.В. Лукашевич

**Ассоциативная лексикография:
«как слово наше отзовется»...**

Отличие реальной действительности и действительности, «спроецированной» в семантику в виде фрагмента языковой картины мира, объясняется специфическими особенностями человеческого организма; строением языка; влиянием конкретных менталитетов и культур, стоящих за каждым языком. В связи с этим показательно использование терминов *схематизация, идеализация, отражение / отображение* действительности в языке. Когнитивная семантика создает модели фрагментов языковой картины мира, разные для разных языков, но сопоставимые. Их сопоставление позволяет выявить *когнитивные универсалии и когнитивные различия*, т.е. говорить об общечеловеческих ценностях и специфике отдельных менталитетов. Так, например, по мнению И.Г. Ольшанского, «положение о том, что в каждом языке воплощена определенная философия, “свое” видение мира, несмотря на очевидность, еще не получило строгого подтверждения» [1, с. 33–34].

В последнее десятилетие все чаще говорят об ассоциативной лексикографии как самостоятельном исследовательском направлении в языкознании, лежащем на стыке психолингвистических и лексикографических исследований, а ассоциативный тезаурус рассматривается как один из возможных способов описания коллективного обыденного языкового сознания реальных носителей языка. Тем самым определяется способность и готовность языковой личности понять, осмыслить и интерпретировать какую-либо ситуацию, актуализированную словом-стимулом. Объектом исследования при этом выступает «язык в потенци, язык, не реализованный в текстах, но готовый к такой реализации; язык, способ существования которого принципиально отличен от статического системного представления его лингвистом, язык в его предречевой готовности, но не в застывшем состоянии, а в перманентно деятельностном, динамическом состоянии» [2, с. 9], «язык, каков он есть, а не каков должен быть» [3, с. 22].

Цель данной статьи – представить фрагмент образа мира современного российского студента на основе анализа его языкового сознания, отражающего личностные и общественные ценности.

Отвечая на вопросы анкеты в рамках федеральной программы «Общая стратегия воспита-

ния в образовательной системе России» (2002 г.), 200 студентов Алтайского государственного университета и Барнаульского юридического института, сделав три выбора в предложенном списке традиционных российских ценностей, распределили их следующим образом: жизнь – 83%, здоровье – 52%, семья – 48%, труд – 43%, любовь и знания – по 35%, общение – 9%. В качестве основных благ для их ровесников студенты назвали друзей (61%), семью (48%), деньги (44%), успехи в учебе (39%), любовь (35%). Выражая свое мнение относительно утверждения «У моих сверстников должны формироваться общероссийские ценности», 87% информантов ответили «да», 13% затруднились ответить. По мнению студентов, приблизительно у 60% россиян в целом и у 48% их сверстников снижен уровень нравственных барьеров. При этом, оценивая своих ровесников, информанты указали, что только 58% из них свойственна гражданственность, 55% – честность, 54% – тяга к прекрасному, 51% – трудолюбие, 44% – гуманизм, 38% – духовность и т.п. Наиболее высокий процент – 65 получил критерий целеустремленность. Если учесть, что ценностные ориентации человека признаются им стратегическими жизненными целями, образуют основу его когнитивной и этнокультурной системы, являются мировоззренческими ориентирами в окружающей его действительности, то очевидна значимость выявления смыслового наполнения концептов, обозначающих ценности, для различных социальных и возрастных групп.

Определяющим при выборе информантов для нас был тот фактор, что к 17–25 годам «становление языковой личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [4, с. 192]. Немаловажно и то, что, по мнению Ю.Н. Караулова, относительная стабильность языковой способности носителей языка (в частности, словарный запас, ценностные и прагматические установки, формально-комбинаторные возможности) может служить основой для характеристики массового сознания в российском обществе на ближайшие 20–30 лет, т.е. на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества [4, с. 192].

Для анализа смыслового наполнения концептов *семья*, *любовь*, обозначающих ценностные ориентации современного российского студента, мы использовали материалы Славянского ассоциативного словаря [5].

Анализ ассоциативного поля *семья* позволил отметить преимущественную семантическую связь с первым лексико-семантическим вариантом словарной статьи 'группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе', и выделить следующие группы реакций на данный стимул.

Понятийный компонент анализируемого концепта (36%) представлен реакциями *дети* (12%), *родители* (9,6%), *дом*, *очаг* (9%), *родственники*, *близкие люди* 5, *родные* 4 (4,4%), *вместе* 5 (1%). Самая частотная реакция в ассоциативном поле *моя* 57 (9,6%). Эти данные подтверждают мысль о том, что дети – эпицентр российской семьи [6, с. 100]. Проведенное нами ранее исследование ассоциативных полей *ребенок – дитя – чадо – ребяенок* показало, что в отношении к ребенку (особенно своему) у россиян, даже при осознании его отрицательных характеристик, доминирует положительная оценка [7, с. 135].

На наш взгляд, несколько начинает изменяться представление о «границах» семьи: *мама, папа, брат и я; мама, папа и я*, ассоциации, называющие других близких родственников (*бабушка, дедушка, тетя, дядя* и т.п.), в прямом эксперименте отсутствуют, а в обратном встречаются только единичные *бабушка – семья, дядя – семья* на фоне достаточно сильных устойчивых связей *дом – семья* 47, *жена – семья* 13, *муж – семья* 13, *вместе – семья* 9, *ребенок – семья* 5. Ср.: А.В. Сергеева отмечает, что русские люди имеют широкое представление о семье, включая в ее состав всех родственников, живущих в одном доме, и даже животных, которых считают членами семьи, в то время как для европейца понятие «моя семья» обычно включает мужа, жену и детей [6, с. 98–99].

Эмоционально-оценочные реакции составляют 50,3%, среди них всего 2% с отрицательными коннотациями (*идиотов* 2, *не надо*, *оковы*, *разбита*, *сложно!*, *тяжело*, *тупость*, *ужасно* и др.). Из 27% реакций – прилагательных к десяти наиболее частотным относятся *большая* 50, *дружная* 33, *счастливая* 11, *крепкая* 9, *родная* 5, *хорошая* 3, *маленькая* 3, *богатая* 2, *благополучная* 2. На основе компонентного анализа их семантической структуры мы выделили актуальные смыслы: 1) состав – тяготение к значительному количеству членов семьи (*большая* – 8,4%, *маленькая* – 0,5%); 2) отношения – а) родственные, чаще кровное родство; б) взаимное согласие и доверие, единодушие, привязанность, общность интересов;

в) прочные – такие, что трудно разбить, сломать; 3) наличие большого имущества, в том числе денежного отметило 0,3%. На наш взгляд, богатство для среднего россиянина не относится к обязательным признакам семьи, хотя благополучие предполагает определенный материальный достаток.

Семья для студента связана с такими чувствами и ощущениями, как *любовь* 21, *счастье* 15, *уют* 8, *добро* 7, *дружба* 4, *радость* 4, *понимание* 2, *благополучие* 2, *близость* 2, *доверие*, *искренность*, *надежда*, *согласие*, *удовольствие*. Но при этом информанты осознают и необходимость *заботы* 2, *обязанностей* 2, *ответственности* 2, *долга* по отношению к членам семьи. Наличие всех названных признаков позволяет носителям языка метафорически характеризовать семью как *броню*, *крепость*, *тыл*, *оплот* (прочную, надежную защиту), *опору* (силу, поддерживающую кого – что-н.; помощь и поддержку в чем-н.), *основу* (источник, главное, на чем строится что-н.). В связи с этим любопытным представляется достаточно категоричное утверждение А.В. Сергеевой: «Привычка к скученности и тесноте, спокойное отношение к отсутствию того, что американцы называют *privacy*, как ни парадоксально это звучит, только укрепляло в России семейные узы. Люди научились воспринимать их не столько как оковы или помеху для личной свободы, сколько наоборот – как «*тылы*», как гарантию от одиночества (наказания для русских), как теплоту родительского гнезда: «*Когда семья в куче – не страшны и тучи!*» (выделено автором цитаты. – Е.Л.) [6, с. 102]. Практически незначительны реакции – идеологемы: *ячейка* 9, *ячейка общества* 6, *ячейка государства*, *коллектив* 2, *работа* 2, *наш общий дом*, *народ* (3,7%). Полностью отсутствуют реакции, свидетельствующие о включении семьи в предметную деятельность.

Мы сопоставили полученные данные с результатами анализа норм поведения в семье [6, 7] и предположили, что в наших материалах семья представлена скорее как декларативная фундаментальная ценность «для себя», которой наши информанты придают особый, положительный жизненный смысл. Так, рефлексировав по поводу смыслового наполнения ценности «семья», студенты факультета журналистики Алтайского государственного университета писали: «семья – самое дорогое, что есть у человека»; «высшая ценность, устои, традиции, миропорядок, передаваемые по наследству»; «это родители, которые всегда тебя будут любить, потому что иначе не могут»; «из нее мы уходим в самостоятельную жизнь и к ней стремимся всегда». Авторы социально-психологических и политологи-

ческих исследований, отмечая социальные группы, для которых наиболее значима ценность «семья», выделяют людей 25–44 лет, чаще женщин, имеющих среднее специальное образование, работающих на постоянной работе, и комментируют: «Именно на этих вполне средних, простых женщинах, в первую очередь, и мужчинах, во вторую, и держится семья, а значит, и страна, и народ, который воспроизводится сам и, воспроизводясь физически, воспроизводит свою культуру, свой язык и свои ценности» [8, с. 351]. Кроме того, они подчеркивают, что ценность «уважение к родителям» оказалась вопреки ожиданиям ценностью для «достаточно молодых людей, а вовсе не стариков, испытывающих недостаток этого уважения» [8, с. 356].

Важным моментом для исследования концепта *любовь*, по нашему мнению, является то, что к ценности «любовь» повышено тяготеют молодые люди в возрасте до 35 лет, лица с высоким уровнем образования, студенты [8, с. 345].

Понятийный компонент анализируемого поля представлен 7,9% реакций: *ненависть* 23, *чувство* 22, *привязанность* 2. Эмоционально-оценочные реакции составляют 52,6%. Явно доминирует положительная оценка, отрицательные ассоциации составляют 17,3%: *зла* 23, *ненависть* 23, *смерть* 9, *измена* 4, и *смерть* 4, и *ненависть* 3, *глупость* 2, *дерьмо* 2, *зло* 2, *несчастливая* 2, *обман* 2, *страдание* 2, *волки*, *злая это штука*, *зла*, *полюбишь и козла* и т.п. Анализ наиболее частотных реакций – прилагательных (*вечная* 11, *большая* 7, *сильная* 7, *прекрасная* 6, *взаимная* 4, *крепкая* 4, *чистая* 4, *страстная* 3, *долгая* 2 и др.) и реакций – существительных (*счастье* 63, *нежность* 10, *верность* 9, *страсть* 8, *радость* 7, *романтика* 2; *жизнь* 13 – *смерть* 9) позволил установить наиболее актуальные смыслы: 1) чувство, значительное по величине, степени и времени проявления (*вечная* – ‘бесконечная, сохраняющаяся на многие века’; *всепоглощающая* – ‘захватившая все существо, вытеснившая все другие чувства, мысли и т.п.’; *великая* – ‘превосходящая общий уровень, обычную меру, выдающаяся’; *неземная* – ‘сверхъестественная, чрезвычайная, исключительная’ и др.); 2) чувство, выделяющееся какими-либо качествами (*чистая* – ‘нравственно безупречная, беспорочная’; *настоящая* – ‘представляющая собой лучший образец, идеал’; *святая* – ‘проникнутая высокими чувствами, возвышенная и идеальная’; *светлая* – ‘радостная, ничем не омраченная’).

Анализ реакций – имен существительных (которые вполне можно квалифицировать как потенциальные валентности) позволил установить значимость для слова-стимула *любовь* ког-

нитивных признаков *субъект* и *объект* данного чувства (10,2%): а) субъектно-объектные отношения *семья* – 4, *мальчик и девочка*, *он и она*, *двое*, *сына к матери*; б) субъект – *матери* 2, *его*, *женщины*; в) одушевленный объект – *девушка* 7, *к девушке* 2, *женщина* 5, *к женщине*, *к людям* 2, *к человеку*, *к родным* 2, *любимый человек* 2, *к любимому*, *мужчина*, *с мужчиной*, *к нему*, *к матери*, *мать*, *парень* 2, *юноша*, *Валя*; *Герман*, *Лена*, *Люба*, *дети*, *Бог*, *к Богу*; неодушевленный объект – *ДДТ*, *деньги*, *к водке*, *к пиву*, *к жизни*, *мир*. Как видим, в данных реакциях в значительной степени реализуется значение ‘чувство горячей сердечной склонности, влечения к лицу другого пола’.

Показательны три момента: во-первых, нет ни одной реакции, связанной с любовью к родине. Если учесть, что ‘любовь к родине, преданность своему отечеству’ определяется как патриотизм, то отсутствие подобных реакций может являться достаточно серьезным симптомом изменения сознания молодого поколения. Так, А.А. Леонтьев отмечал: «Отдельные индивиды, группы индивидов, целые поколения усваивают в языке *то и настолько, что и насколько отвечает их потребностям, причем не только потребностям в общении, но и потребностям мышления, потребностям в сознании, потребностям в любой сознательной деятельности*. Избирательность отдельных людей, групп, поколений по отношению к языку как общественно-исторической категории важно подчеркнуть еще и потому, что в этом процессе происходит *отрицательное по форме изменение языка*; некоторые его элементы не усваиваются последующими поколениями людей и омертвывают, перестают быть явлениями действительного языка» (выделено нами – Е.Л.) [9, с. 64].

Во-вторых, практически отсутствуют прецедентные имена, прецедентные ситуации, тексты, связанные в русской культуре с любовью (единичные – *и голуби* 3, *с первого взгляда*; *зла*, *полюбишь и козла*; *вера*, *надежда*). Существует мнение, что мифы и стереотипы окружающей человека культуры «в очень серьезной степени задают свой, зачастую иллюзорный, но мощный по воздействию ассоциативный ряд, воспроизводимый человеком в ассоциативном эксперименте» [8, с. 240]. На наш взгляд, в анализируемом ассоциативном поле степень стереотипизации обывательского сознания весьма незначительна. Это может свидетельствовать о том, что для студентов важнее собственные чувства или, при их отсутствии, любовь как идеал, к которому они стремятся. Так, В.В. Колесов отмечает: «В земной любви развитие чувства идет от действительного «предмета» к образу и идеалу, который строится в мыс-

ли с помощью личных оценок и признаков, извлеченных влюбленным из помысленных определений и свойств. В момент идеализации (кристаллизации чувства) возлюбленному приписываются признаки идеального существа» [10, с. 105]. (Ср. в связи с этим определение сознания у В.П. Зинченко: «Сознание (в его рефлексивном слое) инструмент установления соответствия и преодоления противоречий между значением и смыслом, средство построения новых предметных, жизненных и социальных смыслов и преодоления косных значений» [11, с. 7]).

В-третьих, реакции *секс 10, постель 3* составляют в анализируемом поле 2,2%, в то время как в «Ассоциативном словаре подростка» [12], информантами которого являлись подростки 15–17 лет, подобные реакции составляют 10,4% (*секс 64, кровать 3, постель 3*). Кроме того, для подростков более важными оказались и другие различные символы и внешние проявления любви, которые практически неактуальны для студен-

тов: *сердце 58, поцелуй 10, свадьба 8, Амур, амурчик, ангел, розы, красный цвет, огромные часы и лавочка, роман, сердечные признания, цветы (13%)*.

Таким образом, анализ концептов *семья и любовь* позволил выявить структуру, иерархию, смысловое наполнение связанных с ними ценностных ориентаций у современного российского студента. Осознавая, что полученная нами модель всего лишь конструкт, в определенной мере огрубляющий и ограничивающий реальную действительность, все же считаем необходимым подчеркнуть, что подобный подход позволяет рассматривать слово как достояние индивида, носителя «живого знания». На данном этапе развития науки это дает нам возможность устанавливать изменения в языковой способности носителя языка как фактор эволюции значения слова и проецировать их на образ мира индивида, существующий в рамках определенной культуры.

Литература

1. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000.
2. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
3. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. №2.
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М., 1994. Кн. 1.
5. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов и др. М., 2004.
6. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004.
7. Лукашевич Е.В. Психолингвистический эксперимент как способ диагностики эмоциональной напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты : сб. статей. М. ; Барнаул, 2004.
8. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.П. Курбангалеева. М., 2003.
9. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
10. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
11. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. №2.
12. Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004.